

Чем ближе они подходили к дому, тем знакомее становились окрестности, хотя магазины смотрелись куда проще, а вдоль дороги стояло множество лотков с фруктами и журналами под навесами.

У ворот жилого комплекса Чжао Яцзин обернулась к нему и вдруг сказала:

— Ты ведь только что врал, да?

С того момента, как он назвал её двоюродной сестрой, Чжао Яцзин поняла, что это ложь. Их семья была большой, всех родственников она знала как облупленных, и никакого двоюродного брата у неё не было.

Однако разоблачать его сразу она не стала — во-первых, из-за посторонних: у парня могли быть свои причины; а во-вторых...

Почему-то с первой же встречи этот юноша вызвал у неё странное чувство близости, будто они были знакомы уже очень давно.

Теперь, в жилом комплексе, даже если он и мошенник, можно было сразу позвать охрану.

Услышав прямое обвинение, Хэ Имань не смутился. Он знал, что обман раскроется, и просто ждал уединённого места, чтобы рассказать правду.

Он смущённо улынулся, затем лицо его стало серьёзным, и он тихо произнёс:

— Ты, наверное, не поверишь, но... я твой сын.

—

Хэ Синъань сегодня не задерживался на работе, ушёл с фабрики пораньше, по дороге зашёл на рынок, купил рыбу и, напевая, отправился домой.

Однако, едва открыв дверь, он на секунду усомнился, не ошибся ли адресом.

Обстановка в доме не изменилась, но на диване сидел незнакомый парень лет семнадцати-восемнадцати, развалившись на подушках. В руках он держал миску с супом из зелёной фасоли, а ноги его почти лежали на журнальном столике.

Хэ Синъань замер, даже вышел проверить номер квартиры, убедился, что это его дом, вернулся, поставил рыбу в прихожей и уже собрался спросить у парня:

— Ты...

Не успел он договорить, как из кухни вышла жена и с улыбкой спросила:

— Ещё хочешь? Налью?

— Нет, спасибо, мама. — Хэ Имань вытер рот и протянул ей миску.

Услышав это обращение, Хэ Синъань закашлялся — показалось, что он ослышался.

Только тут оба заметили человека в дверях. Хэ Имань поднялся и поздоровался:

— Папа, ты вернулся?

Хэ Синъань остолбенел:

— Кто тебе папа?

Он никогда не думал, что однажды, вернувшись домой днём, увидит парня, который, судя по всему, всего лет на десять его моложе, и услышит от него такое обращение.

Как бы Чжао Яцзин ни убеждала, Хэ Синъань отказывался верить, что этот человек — его будущий сын.

Пока вся семья не села за стол и мама не подала картофель по-сычуаньски, и Хэ Имань не бросил небрежно:

— Папа, вы с мамой впервые поссорились из-за того, класть ли в картофель по-сычуаньски сахар, и потом три дня не разговаривали, пока ты не извинился, правда?

Хэ Имань взял рисовый шарик:

— Если не веришь, могу рассказать ещё.

Хотя тогда его ещё и на свете не было, родители, ссорясь, постоянно припоминали друг другу старые обиды, так что Хэ Имань волей-неволей всё запомнил — и теперь это пригодилось.

Хэ Синъань... Хэ Синъань поверил.

На самом деле, ещё до этих подробностей он уже начал сомневаться, потому что разглядел на шее парня подвеску.

Ту самую, что они с женой придумали несколько месяцев назад. Долго ломали голову и в итоге сделали эскиз головы тигрёнка. Всего несколько дней назад нашли мастера для изготовления, а теперь точная копия той подвески висела на шее у парня, да ещё и со следами времени.

Хотя история звучала невероятно, он не мог не испытывать гордости, глядя на того, кто называл себя его сыном.

Такой красавец — ну точно же его сын.

Чжао Яцзин приготовила для Хэ Иманя свободную комнату. Оказавшись в совершенно незнакомом мире, он всё же чувствовал себя спокойнее, ведь рядом были папа и мама.

Лёжа в кровати, он достал из сумки телефон и с облегчением вспомнил, что взял с собой пауэрбанк. Даже без сети некоторые функции телефона работали.

Хэ Имань открыл заметки и быстро набрал несколько строк.

Перемещение — Дом с привидениями — Тань Шо.

Между этими тремя вещами должна была быть связь.

Но когда они раньше ходили в Дом с привидениями, они просто сели в такси и поехали, даже не запоминая дорогу.

Теперь, оказавшись в прошлом, он обнаружил, что многие указатели изменились, названия тоже, и найти точное место оказалось невозможно.

Похоже, единственной зацепкой оставался Тань Шо.

Хэ Имань перевернулся на кровати и вздохнул. Надо было в тот день поговорить с Тань Шо подольше, хотя бы выяснить, куда он направлялся, а не оставаться сейчас в полном неведении.

Несколько дней подряд Хэ Имань выходил на улицу с утра и бродил до вечера, исходив вдоль и поперёк все окрестности. Местные торговцы уже привыкли к его лицу.

— Сяо Хэ, что это ты уже несколько дней не в школе? — наконец спросила тётя из лавки, когда Хэ Имань проходил мимо.

— В школу? — Хэ Имань удивился, собравшись сказать, что уже закончил учёбу, но тут же вспомнил другой вопрос. — Тётя, разве школа уже началась?

— А то как же. — Тётя сидела за стеклянной стойкой, размахивая веером. — Не в обиду будь сказано, молодёжь, если хочет в жизни чего-то добиться, должна учиться. Целый день по улицам шляться — не дело. Разве что Тань Шо, тот без отца-матери, никто его не воспитывает, вот и не хочет учиться...

Услышав это имя, Хэ Имань востепенел и с нетерпением спросил:

— Кого вы сказали? Тань Шо?

— Что, знаешь его?

Тётя удивлённо посмотрела на него, но не стала вдаваться в подробности, продолжая:

— Ты ведь только сюда приехал, откуда тебе знать этого хулигана? Слушай меня, держись от него подальше, а то ещё хуже станешь.

О том, что Хэ Имань здесь поселился, соседи уже знали, считая его провинциальным родственником.

Хотя тётя любила посплетничать, зла она не держала. Хэ Имань был приветливым и вежливым, и все быстро приняли его за своего.

— А вы не знаете, где он обычно бывает?

— И откуда мне знать? — тётя хлопнула веером по столу, отмахнулась, но, подумав несколько секунд, добавила:

— Хотя слышала, что несколько дней назад он был на улице Линьхэ, вроде даже кого-то побил. Больше ничего не знаю.

Лучше что-то, чем ничего. Хэ Имань запомнил её слова.

— Спасибо, я понял.

С этими словами он направился туда.

Тётя крикнула ему вслед:

— Сяо Хэ, не говори потом, что я не предупреждала, не связывайся с ним!

Хэ Имань не ответил, лишь улыбнулся и быстро зашагал прочь.

Слова тёти из лавки Хэ Имань не знал, насколько им можно верить, но предполагал, что правды в них от силы половина.

Так или иначе, после предыдущих встреч с Тань Шо Хэ Имань уже смотрел на него сквозь розовые очки и потому не верил, что тот мог ни с того ни с сего напасть на человека.

Зной ещё не спал, земля была сухой, колёса машин вздымали лёгкую пыль.

Тань Шо был в чёрной майке без рукавов, его худощавая фигура подчёркивала тонкие, но чёткие мышцы на руках, кожа слегка покраснела от палящего солнца.

Спина его была мокрой от пота, а кепка, которую он обычно носил, куда-то пропала, и короткие волосы на затылке казались колючими.

Огромный мешок, доверху набитый, тащился по земле, издавая шуршащий звук.

Подойдя к пешеходному мосту, Тань Шо замедлил шаг и заметил на ступеньках бутылку газировки, судя по всему, только что из холодильника — на стенках выступили мелкие капли.

Он огляделся: вокруг почти никого не было, прохожие спешили по своим делам. Подумав несколько секунд, он наклонился, чтобы поднять бутылку, но в этот момент его окликнули.

— Какая встреча, Тань Шо.

[Авторская ремарка: Носить такие широкие майки без рукавов — это действительно стильно.]

Знакомый голос прозвучал в ушах, и в нём слышалась радость. Рука Тань Шо дрогнула, затем он медленно выпрямился и поднял взгляд.

Хэ Имань купил в лавке банку газировки со вкусом апельсина.

Такую газировку продавали только в его детстве, и тогда она казалась ему невероятно вкусной.

<http://bllate.org/book/15432/1366278>